

АНДРЕЙ МИХАЙЛОВ

ПОЭТИКА ПРУСТА

ПАЛЬМИРА
РУГРАМ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 6

УДК 821.133.1.09
ББК 83.3(4Фра)
М69

Подготовка издания Т. М. Николаевой

Михайлов, А.

М69 Поэтика Пруста / Андрей Михайлов; [изд. подгот. Т. М. Николаевой]. — М. ; СПб. : «Руграм» / «Пальмира», 2026. — 469 с., ил. — (Серия «Пальмира — университет»).

ISBN 978-5-524-02209-7

Несмотря на обилие исследований о Марселе Прусте, работ, посвященных поэтике его великого романа, до сих пор немного. А. Д. Михайлов, один из крупнейших отечественных исследователей французской литературы, обращается к этой сложной и методически не разработанной теме, предлагая новаторский подход: «расщепление» общей структуры на отдельные единицы — ситуации, сюжет, систему персонажей. Читатель встретится не только с анализом ключевых героев цикла «В поисках утраченного времени», но и с детальным разбором внутренних монологов, пауз, реминисценций и лейтмотивов.

Особую ценность работе придает уникальный визуальный ряд: Михайлов сознательно отказался от шедевров знаменитых художников, иллюстрируя книгу работами второстепенных мастеров эпохи Пруста. Это камерные зарисовки, наброски, открытки, которые доподлинно передают дух времени, одновременно не отвлекая от текста.

В приложениях раскрываются малоизученные аспекты творчества Пруста: роль в его жизни писем, полемика с методом Сент-Бёва, связи с французскими современниками.

**УДК 821.133.1.09
ББК 83.3(4Фра)**

ISBN 978-5-524-02209-7

© Михайлов А. Д., наследники, 2026
© Николаева Т. М., наследники,
предисловие к приложению, 2026
© Оформление.
ООО «Руграм», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Глава первая. Вводная</i>	6
<i>Глава вторая. Русская судьба Пруста</i>	32
<i>Глава третья. Сюжет</i>	84
<i>Глава четвертая. Структура повествования</i>	106
<i>Глава пятая. Персонажи и ситуации</i>	196
1. Персонажи	196
2. Имена	200
3. Ситуации	250

Приложение

Предисловие (Т. М. Николаева)	271
Письма Пруста	282
Почему Жан Сантей? (Об имени главного героя первого романа Марселя Пруста)	285
Марсель Пруст накануне «Поисков утраченного времени»: «Против Сент-Бёва»	291
Обретение Пруста	307
«В поисках утраченного времени»: персонажи	314
Еще кое-что о персонажах «В поисках утраченного времени»	329
Шесть воплощений Шарля Сванна	347
В центре повествования («У Германтов»)	359
В поисках утраченных рукописей	366
Поэтический театр Мориса Метерлинка	370
Эдмон Ростан — современник Пруста	402
Пьер Луис и фривольный роман на грани столетий	419
Марсель Пруст и Виктор Гюго	432
Марсель Пруст читает сказки «Тысячи и одной ночи»	459

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ВВОДНАЯ

1

Писательская и человеческая судьба Марселя Пруста настолько своеобразна, неповторима, причудлива, парадоксальна и по-своему исключительна, что она в значительно большей мере, чем судьба многих других мастеров слова, наложила отпечаток на все его произведения. Не зная многих жизненных обстоятельств, с которыми был вынужден сталкиваться Пруст (либо сам себя в них «загонял»), трудно понять его творчество, поэтику его книг, то есть их структуру, наполняющих их персонажей, приемы и методы работы писателя, его творческую «кухню». В его жизни немало загадок, темных мест, невыясненных ситуаций, в связи с этим — и много легенд, иногда самых фантастических, которые лишь постепенно обнаруживают свой истинный смысл. Конечно, не какие-то тайны жизни Пруста привлекали к его книгам читателей и исследователей, а как раз неповторимая грандиозность его постройки, заключенная в ней широта и тонкость взгляда на мир, на человеческие отношения, на природу, на искусство, наконец. Личностным началом пронизано все его творение.

Недаром писателя постоянно «уличали» в чрезмерном автобиографизме и нередко видели в его главной книге — «В поисках утраченного времени» — своеобразные мемуары, несколько сумбурные, далеко не всегда достоверные и подчас изрядно скучные. Между тем Пруст мемуаров не писал и неизменно настаивал на этом — в статьях, интервью, письмах, когда ему это приписывали. И вместе с тем его книга очень автобиографична, но автобиографична очень по-своему, и, наверное, не в большей степени, чем произведения Стендаля или Мериме.

Давно уже, по крайней мере к середине XX века, Пруст занял место одного из самых крупных писателей XX столетия, а среди французских писателей — бесспорно самого крупного. Здесь он обошел всех своих именитых современников — и Эмиля Золя, и Анатоля Франса, и Мориса Барреса, и Ромена Роллана, и Поля Клоделя, и

Андре Жида, и Поля Валери. Обогнал и по числу посвященных ему разнообразнейших исследований, каждый год выходящих десятками, и по количеству переизданий — от массовых, «карманных», до роскошных библиофильских или, напротив, внешне строгих и скромных, но научнейших. Пруст обогнал своих писателей-современников по количеству посвященных ему научных обществ, специализированных периодических изданий, выставок, конференций, симпозиумов и т. п. А ведь при

его появлении в литературной жизни эпохи, вернее, где-то около нее, этой жизни, в лучшем случае на литературной периферии, ничто таких последствий не обещало.

Неизменно растущий читательский интерес, конечно же, оправдан. И, пожалуй, в самой незначительной степени связан с биографией писателя. «Романизованных биографий» о нем создано не было, хотя о нем и написал мастер этого жанра Андре Моруа (1948); его книга «В поисках Марселя Пруста» — это увлекательное исследование, но никак не роман. Вопреки все еще высказываемому иногда мнению, главная книга Пруста попросту интересна; она интересна переполняющими ее наблюдениями, мыслями, заметками, сформулированными подчас парадоксально, но неизменно точно, глубоко и даже афористично, но интересна эта книга и чисто событийно: ее сюжет многолинеен, ветвист, разворачивается то стремительно, то невероятно медленно (к досаде нетерпеливого читателя), но всегда поступательно и логично.

Интересен, конечно, и сам механизм построения прустовской книги. Как любой великий писатель, Пруст дает богатейший материал для всяческих историко-литературных и теоретических обобщений и выводов; но творчество его столь многообразно и многосмысленно, что представляет интерес не только для литературоведов, вообще филоло-

гов, но также для философов (и им они занимаются особенно охотно), для психологов, отчасти медиков, для искусствоведов, культурологов, историков общественной мысли, нравов и быта.

Нельзя не заметить, что книги Пруста не хуже, чем чьи бы то ни было еще, отражают эпоху, причем в большом и малом, — время гигантских сдвигов и переломов, культурного, социального, политического, то есть период перехода от «прекрасной эпохи» «конца века» к эпохе — в самом широком смысле слова — империализма с его войнами, переделом мира и всплесками революций. Эта быстрая смена эпох привела к причудливому сосуществованию старого и нового, давно укоренившегося, привычного и самого современного, кажущегося диковинным и опасным; достаточно сказать, что сам Пруст и его герои то нанимают фиакр, то садятся в такси, то зажигают по вечерам свечи и керосиновые лампы, а то включают газ или же электричество, то они растапливают камин, то поворачивают вентиль у калорифера. Они носят цилиндры и кепки, фраки и спортивные куртки. Их дамы проезжают на лошадях в изящных амазонках или лихо проносятся по тем же аллеям Булонского леса на велосипеде. Пруст и его герои то отправляют записки с посыльным, шлют «пневматички», а то звонят по телефону.

Это — на уровне быта. Но примерно такая же чересполосица происходит и в литературе, в искусстве. Как и во всякую переходную эпоху, во времена Пруста всевозможных направлений, тенденций, традиций становится невообразимо много; они сосуществуют, соседствуют, сталкиваются, ведут борьбу, не замечают друг друга, переплетаются, взаимодействуют. Импрессионизм, символизм, неоромантизм, неоклассицизм, старый приземленный реализм, натурализм, кубизм, сюрреализм — все они выдвигают ярких самобытных представителей. Без ощущения и осознания этого рубежа эпох Пруста нелегко понять. Он жил в это время, впитывал новые веяния, цеплялся за старые, и все это в той или иной мере входило в его поэтику.

От богатейшего многовекового опыта французской литературы Пруст, в отличие от некоторых своих современников, не отмахивался; напротив, он постоянно продумывал и как бы прорабатывал опыт предшественников, вот откуда в его книгах и прямые ссылки, и многочисленные цитаты, и также не менее многочисленные цитаты, источник которых не всегда удается определить, даже подчас цитаты и ссылки

подсознательные, ненамеренные; отсюда же и «пастиши», то есть умелые и ироничные стилизации, чем Пруст любил забавляться, но источники которых выявлены далеко не всегда.

Весь предшествующий опыт, хотя бы в области литературы, у Пруста не просто присутствует, он активно входит в его художественный мир, в поэтику его книг, он осмысливается, классифицируется, подытоживается; можно сказать, что Пруст как писатель — завершающее звено определенной эволюции, не только ее блестящий итог, но и своеобразный символ.

Впрочем, сам Пруст вряд ли ощущал себя наследником своих великих литературных предков, на такое он не решался претендовать. К тому же из богатого прошлого французской литературы он брал далеко не все. Его привязанности и увлечения важны, красноречивы и в общем-то понятны.

Его пристрастия и антипатии, его предпочтения и отталкивания — в значительно большей мере, чем у кого-либо из других великих писателей Франции, были маркированы и складывались в очень стройную и гармоничную систему, лишенную, впрочем, навязчивого схематизма. Он находил в прошлом прежде всего то, что могло помочь ему решать поставленные перед собой задачи. Если Средние века обратили на себя его внимание как замечательная эпоха архитектуры, то ее литературные достижения Прустом в должной мере оценены не были. Точно также — литература Ренессанса. А вот следующее столетие, которое обычно называют во Франции «великим веком», — как раз наоборот. Там Пруста притягивало многое. Он отдавал должное величавому гению Корнеля, хорошо знал и любил мудрый юмор Мольера и Лафонтена, но его любимцами и эстетическими ориентирами стали г-жа де Севинье, Ларошфуко, Лабрюйер и, прежде всего, Расин, то есть те, у кого чувство меры, приверженность канону все время вступали в противоречие с вдохновением, с божественным порывом, те, кто столь внимательно и трепетно относился к глубокой и ломкой человеческой душе и поэтому так основательно прорабатывал вопросы морали. Это может показаться парадоксом: писатель-новатор, прокладывавший в литературе новые пути, не просто тяготел к опыту достаточно далекого прошлого, но брал его за образец. В этом — одна из существенных особенностей поэтики Пруста: его проза тяготеет не просто к классической, а даже «классицистической» ясности и строгости, чувству меры, согласованности частей.

Это же он находил и у великого мемуариста Сен-Симона, который стал для писателя величественным (и увлекательнейшим!) итогом XVII века, хотя и дожил до середины следующего. Нетрудно догадаться, что эпоха Просвещения, богатая, живая, пестрая, красочная, язвительная, остроумная и лукавая, но насквозь и так по-разному идеологизированная, осталась для него почти чужой. Даже тонкая диалектика души и пафос саморазоблачения Руссо его не увлекли. А что же мощный и обильный XIX век? Пруст внимательно прочитал Ламартина и Гюго (впрочем, их тогда непременно читали в лицеях и гимназиях), хорошо знал Мюссе и Виньи, одно время увлекался некоторыми книгами Жорж Санд. Но никакого интереса к представителям «неистового романтизма» — Жюлю Жанену, Эжену Сю, Фредерику Сулье, хотя и их молодой Пруст, скорее всего, читал. Лучше перечислим тех, кто стал для него особенно интересен, поучителен и попросту дорог. Но каждый, конечно, по-своему. Это Шатобриан (особенно как автор «Замогильных записок»), Жерар де Нерваль, Бодлер, Барве д'Ореви́льи, несколько меньше — Мериме и особенно Стендаль. (Отметим такой примечательный факт: во всех своих произведениях Пруст лишь однажды упоминает книгу Стендаля «О любви», без которой, казалось бы, ему трудно было бы обойтись.) Прусту был, конечно, близок Флобер (но не как мастер стиля) и в очень сложном притяжении-отталкивании — Бальзак. В поэтической концепции Пруста автор «Человеческой комедии» занимает особое место, поэтому скажем о нем особо.

Бальзак для Пруста в литературе — фигура ключевая. Казалось бы, почти писатель-ремесленник, постоянно торопившийся, чтобы успеть выправить гранки к поставленному издателем сроку, создатель всех этих многочисленных романов и повестей не знал подлинного вдохновения, и божественный глагол никогда не касался его слуха. В действительности это было не так, совсем не так, и Пруст это понял. Для него Бальзак являлся своеобразным творцом собственного вымышленного мира, очень похожего на мир реальный, но объективно ему противостоящий. У него все было поставлено с ног на голову, реальность мерилась вымыслом, а не наоборот. «Для Бальзака, — заметил как-то Пруст, — не было деления на жизнь реальную (ту, что, на наш взгляд, таковой не является) и романную (единственно подлинную для писателя). Рассуждения о выгоде женитьбы на г-же Ганской в письмах сестре не только построены как в романе, но и характеры описываемых людей